

Н. О. ЛОССКИЙ

Нравственная личность Толстого (1911)

Наружность Л. Н. Толстого чисто русская, и душа у него подлинно русская. Для изучения психологии русского народа его сочинения, и особенно история его жизни, дают богатый материал. Из этого огромного материала здесь будет рассмотрена только нравственная личность Л. Н., и то лишь со стороны отношения Л. Н. к свободе. Прослеживая проявления этой стороны личности Толстого, можно заметить, что, хотя внешняя история его жизни и творчества делится на два, на первый взгляд резко различных, периода, внутренняя жизнь его не содержала в себе разрыва или истерического распада, а составляла органическое единое целое, закончившееся правильным решением одной из труднейших задач человеческой жизни: основное глубочайшее стремление, руководившее первым периодом жизни Л. Н. Толстого, превратилось во втором периоде в новое, еще более высокое, стремление, не отменявшее задачу первой половины его жизни, а впервые давшее ей высшее возможное для человека осуществление.

Вся жизнь Толстого есть типично русское выражение органической потребности во внутренней свободе души. Потребность эта присуща большинству русских людей. Ошибаются те, кто, ссылаясь на отсталость России в проведении в жизнь начал гражданской и политической свободы и на деспотический характер русского правительства, считает русских народом-рабом. Несмотря на все жестокости, насилия и несправедливости, которые терпит ежедневно русский народ, без сомнения, любовь к свободе в нем громадна, но в сочетании с другими свойствами народа из самой этой любви к свободе вытекают такие черты характера, которые лишают народ силы во внешней борьбе и побуждают его искать удовлетворения потребности свободы в совершенно иных формах, чем это делают, напр<имер>, англичане. Любовь к сво-

боде есть вместе с тем ненависть к насилию. Представим себе человека, который так возненавидел насилие, что не только страдает, подвергаясь ему, но и сам неспособен применить его к другим лицам даже для защиты своей свободы. Положим, далее, этот человек ясно усматривает, что, кроме рабства внешнего — цепей, тюрем, воспрещений собраний, союзов и т. п., есть еще рабство более глубокое, внутреннее, состоящее в механизировании души, подчинении ее привычкам, выработке не разумных принципов, а мертвого автоматизма. Такой человек пойдет преимущественно по пути развития внутренней свободы и проявит мало умения осуществлять ее вовне, в устройстве государственной жизни.

Из таких людей, мягких, терпеливых и неспособных к резкой защите своих прав, состоит в большинстве русский народ. В таком обществе на низших ступенях его развития, при неорганизованности его, власть неизбежно попадает в руки наиболее наглых и злых. Отсюда становится понятным следующее парадоксальное явление: наше государство — самое деспотическое в Европе, между тем как наше общество, быть может, самое свободное в мире. С этим нетрудно согласиться, наблюдая у нас отношения между родителями и детьми, между учениками и учителями, между студентами и профессорами, между мужчиною и женщиною; это сказывается в отношениях нашего общества к браку, к сословным различиям, к милитаризму и всякому бряцанию оружием, к формам и темам искусства, к научным теориям; это сказывается даже в мелочах, напр<имер> в отношении к формам одежды, к формам вежливости и т. п. Быть может, в нас заложено стремление к такой безмерной свободе, которая осуществима только на высочайших ступенях культуры, не достигнутых еще человечеством, и деспотические формы нашего государства играют роль защитного приспособления, временно предохраняющего общество от соблазнов, непреодолимых для неокрепшего малокультурного сознания.

Однако возвратимся к Л. Н. Толстому. Жизнь его, как сказано выше, есть образец правильного решения проблемы свободы. С начала и до конца Толстой проявляется как существо, не выносящее никаких пут, особенно внутренних. Свободолюбие есть органическое свойство его души, столь глубокое, столь основное, что оно входит как элемент во все его интересы и во *все даваемые им решения проблем*. В условиях человеческой жизни, бесконечно малой части бесконечно большого мира, осуществление свободы принадлежит к числу труднейших задач, поэтому тот, кто остро чувствует потребность свободы, ежеминутно испытывает страдания от столкновений с миром, то чувствуя себя угнетае-

мым, то сознавая себя угнетателем. Жизнь Л. Н. Толстого была полна этими страданиями до тех пор, пока во втором периоде ее он не нашел начала более высокого, чем свобода, приносящего с собою, между прочим, и свободу. Посмотрим сначала, в какой форме обнаруживал Л. Н. Толстой жажду свободы, потом — какие страдания она внесла в его жизнь и, наконец, какой он нашел способ освободиться от них.

Первое воспоминание Л. Н. Толстого из самого раннего детства относится к пленению: «Я связан; мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать, и я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик; но я не могу остановиться... это было первое и самое сильное мое впечатление жизни. И памятно мне не крик мой, не страдания, не сложность, противоречивость впечатления. Мне хочется свободы, она никому не мешает, и я, кому сила нужна, я слаб, а они сильны» *. К раннему детству относятся также воспоминания о посещении какого-то родственника, гусара, князя Волконского¹. «Он хотел приласкать меня и посадил на колени и, как часто это бывает, продолжая разговаривать со старшими, держал меня. Я рвался, но он только крепче придерживал меня. Это продолжалось минуты две. Но это чувство пленения, несвободы, насилия до такой степени возмутило меня, что я вдруг начал рваться, плакать и биться» **. Угроза розгой со стороны гувернера Thomas за какой-то ничтожный проступок вызвала в ребенке Толстом «ужасное чувство негодования и возмущения и отвращения не только к Thomas, но и к тому насилью, которое он хотел употребить надо мною. Едва ли этот случай не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насильем, которое испытываю всю свою жизнь» ***.

Уже в восемнадцатилетнем возрасте он рассуждает о том, как человек может стать независимым от общества. «Общество есть часть мира. Надо разум согласовать с миром, с целым, познавая законы его, и тогда можно стать независимым от части, от общества» ****.

С детства он проявлял склонность идти наперекор принятым формам общежития. Например, говорят, что, будучи ребенком, он «входил в залу и кланялся задом, откидывая голову назад и шаркая». По словам М. Н. Толстой², сестры Л. Н., «он всегда от-

* Собр. соч. графа Л. Н. Толстого. Изд. 11. Ч. XII: Первые воспоминания. С. 449.

** Бирюков. Л. Н. Толстой. 1. С. 90.

*** Там же. С. 95.

**** Там же. С. 143.

личался оригинальностью, переходившей нередко в самодурство». Она рассказывает, как в 1860 году, когда они жили во Франции, в Нуёрес, Л. Н. был приглашен на вечер к княгине Дундуковой-Корсаковой³. «Там собралось все высшее общество и главным слоу этого вечера должен был быть Л. Н., и, как нарочно, он долго не приходил. Общество стало уже унывать, у хозяйки истощился уже весь запас занимания общества, и она с грустью думала о своем *soirée manqué*⁴, но наконец, уже очень поздно, доложили о приезде графа Толстого. Хозяйка и гости оживились, и каково же было их удивление, когда в гостиную вошел Л. Н. в дорожной одежде и в деревянных сабо. Он совершал какую-то длинную прогулку, с этой прогулки, не заходя домой, явился прямо на вечер и стал всех уверять, что деревянные сабо — самая лучшая, самая удобная обувь и что он всем советует ею обзавестись. Ему и тогда уже все прощалось, и вечер из-за этого стал еще более интересным» *.

Фет в своих «Воспоминаниях» говорит, что он с первой минуты заметил в молодом Толстом невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений» **. На вопрос П. Бирюкова⁵ об отношении его к общественным настроениям эпохи шестидесятых годов он сам ответил, что «всегда противился невольно влияниям извне, эпидемическим, и если тогда был возбужден и радостен, то своими особенными, личными, внутренними мотивами, теми, которые привели меня к школе и общению с народом» ***.

Л. Н. не кончил курса в университете. Одна из причин этого обстоятельства заключается в том, что он не способен был к деятельности, для которой рамки поставлены ему извне. Он сам указывает на эту причину: «Как это ни странно сказать, работа с “Наказом” и “Esprit des lois”⁶ (она и теперь есть у меня) открывала мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей» ****. Способность к чрезвычайно напряженному, но всегда самостоятельному умственному труду он не раз доказал в течение своей жизни, напр<имер> когда в 1870 г. изучил греческий язык настолько, что через несколько месяцев стал читать Ксенофонта без словаря.

* Бирюков. С. 384.

** Там же. С. 271, цитата из А. Фета.

*** Там же. С. 397.

**** Там же. С. 131.

Особенно интересно в Л. Н. Толстом отвращение ко всякой *внутренней* связанности в себе и восхищение людьми, свободными во всех своих внутренних проявлениях. По поводу своих отношений к брату Сергею⁷ он говорит: «Сережей я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им. Я восхищался... в особенности, как ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. Я всегда себя помнил, себя сознавал, всегда чуял, ошибочно или нет то, что думают обо мне и чувствуют ко мне другие, и это портило мне радости жизни»*.

В автобиографической повести «Казачи» он, без сомнения, имея в виду себя, следующим образом описывает Оленина: «Оленин был юноша, нигде не окончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в таком-то присутственном месте), промотавший половину своего состояния и до двадцати четырех лет не избравший еще себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший». «Для него не было никаких — ни физических, ни моральных — оков; он все мог сделать и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни веры, ни нужды. Он ни во что не верил и ничего не признавал. Но, не признавая ничего, он не только не был мрачным, скучающим и резонирующим юношей, а, напротив, увлекался постоянно... Но отдавался он всем своим увлечениям лишь настолько, насколько они не связывали его. Как только, отдавшись одному стремлению, он начинал чуять приближение труда и борьбы, мелочной борьбы с жизнью, он инстинктивно торопился оторваться от чувства или дела и восстановить свою свободу»**.

Нетрудно догадаться, каков должен быть идеал жизни у человека с таким характером. Восемнадцати лет Толстой пишет в своем дневнике: «Цель жизни есть сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего»***. Достигнув возраста семидесяти четырех лет, он говорит: «Человек всякий живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность»****.

Это счастье — сполна проявлять свою индивидуальность и осуществлять всестороннее развитие — было достигнуто Толстым в необычайно широких размерах. Полнота его жизни изумительна. Его увлечения и деятельности так разнообразны, что могли бы составить содержание десятка обыкновенных человеческих

* Бирюков. С. 87.

** Собр. соч. Т. II. С. 104.

*** Бирюков. С. 145.

**** Собр. соч. Т. IV: Мысли о воспитании. С. 392.

жизней. Опасности войны, наслаждения художественного творчества, прилежные и плодотворные занятая педагогической деятельностью в школе для крестьянских детей, изучение греческого языка, использованное для перевода и критики Евангелия, изучение еврейского языка для критики Ветхого Завета, изучение исторических документов, относящихся к наполеоновским войнам, занятия сельским хозяйством и в роли помещика, и в роли пахаря-земледельца, занятия ремеслами, пчеловодство, коневодство, музыка, скульптура, всевозможные виды спорта — неужели одна жизнь могла вместить все это обилие интересов и увлечений!

Все свои деятельности Толстой осуществлял с чрезвычайной страстностью, везде он проявлялся как могучая индивидуальность. Без сомнения, на его долю выпали минуты такого интенсивного счастья, какого не переживают люди, идущие по узкому, проторенному пути, но, с другой стороны, его жизнь не менее полна и страданиями. Они неизбежны и неустранимы, поскольку индивидуум стремится свободно проявляться в формах *личной* жизни и на каждом шагу наталкивается на ограничения ее. Эти страдания нередки в первый период жизни Толстого. Самое интенсивное из них было вызвано сознанием неизбежности такого *насилия* над личностью, как смерть, уничтожающая всякий смысл личной жизни как таковой. Состояние крайнего угнетения, вызванное размышлениями о смерти и едва не приведшее Толстого к самоубийству, в захватывающей форме изображено им в «Исповеди». Оно было одним из важнейших мотивов, создавших перелом в его жизни.

Менее интенсивны, но зато более многочисленны были страдания, вытекавшие из столкновений личной жизни Толстого с жизнью других людей. Инстинктивно стремясь к свободному проявлению своей индивидуальности, Толстой в первом периоде своей жизни не вполне осознает пределы *чужой* свободы и нередко нарушает ее. Правда, это случается с ним только в столкновениях с равными себе. Высокое благородство его натуры сказывается в том, что, приходя в соприкосновение с незащитными и угнетенными существами, с детьми, бедными людьми, крестьянами, он чрезвычайно чутко подмечает и устраняет все то, что содержит в себе хотя бы намек на насилие. В этом отношении особенно поучительны его педагогическая деятельность и педагогические статьи*.

* Там же. Т. IV.

Единственный критерий правильной педагогической деятельности, по его мнению, есть свобода *. Воспитание как «стремление одного человека сделать другого таким же, каков он сам» **, ненавистно Толстому. Единственно допустимое влияние одного человека на другого заключается в воспитательном значении примера, т. е. *самосовершенствования воспитателя* ***, и в образовании, которое сводится лишь к передаче «сведений знаний», которое «свободно и потому законно и справедливо» ****. Навязывание народу развития «с направлением» Толстой, конечно, горячо порицал *****.

Никаких наказаний и принудительной школьной дисциплины он не допускал. Его идеалом был «свободный порядок» среди детей, отделавшихся благодаря индивидуализирующему влиянию школы от «табунного чувства», идущих в школу с любовью к ней и не чувствующих никакого гнета: «Мало того, что в руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего сделанного вчера он не обязан помнить нынче. Его не мучает мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера» 6*.

На этой почве у Л. Н. Толстого создались такие отношения к детям, которые можно признать образцом высших, совершеннейших форм общения между людьми. Его описание этих отношений, напр<имер> того, как двое крестьянских детей вместе с ним писали художественный рассказ, или как он с крестьянскими ребятами гулял в лесу зимним вечером после школьных занятий, нельзя читать без сильного волнения и чувства какого-то особенного удовлетворения 7*.

Несмотря на свое сочувствие к слабым и угнетенным, Л. Н. отрицательно относился к либеральным планам преобразования государства, полагая, что изменение *внешних* форм жизни не может улучшить человека. Точно так же, будучи противником насилий, он отрицательно относился к деятельности революцио-

* Собр. соч. Т. IV. С. 30 и др.

** Там же. С. 102.

*** Там же. С. 389.

**** Там же. С. 134, 130.

***** *Бирюков*. II. С. 139.

6* Собр. соч. Т. IV. С. 205, 204, 209.

7* Там же. Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? С. 174–202; Яснополянская школа. С. 220–227.

неров. Но, с другой стороны, всякая встреча с бесцеремонными проявлениями деспотизма нашей государственной власти вызывала в нем бурный протест. В 1862 г. в «Ясной Поляне» в отсутствие Л. Н. был произведен обыск⁸. «Какое огромное счастье, — говорил Л. Н., — что меня не было дома. Ежели бы я был, то теперь, наверно бы, уж судился как убийца». Ожидая второго обыска, он держал пистолеты заряженными, хотел эмигрировать, и наконец решив лично жаловаться государю Александру II, подал ему в Москву просьбу об удовлетворении.

В отношениях с равными себе Толстой, в первый период своей жизни, иногда вторгался в пределы чужой свободы. В молодости, мечтая о семейной жизни, он, по-видимому, склонен был представлять свое отношение к жене как отношение воспитателя, стоящего всегда на некотором отдалении и высоте над воспитанником. Такова, напр<имер>, чрезвычайно характерная картина отношений между мужем и женою в «Семейном счастье», романе, написанном Толстым после того, как его мечты о семейном счастье с В. не осуществились.

В сфере идейной борьбы страстному человеку особенно трудно удержать себя в границах дозволенного. В своем дневнике (под 7 июля 1854 г.) Толстой сам называет себя человеком «раздражительным» и «нетерпимым». И в самом деле, люди, знавшие Толстого лично в первый период его жизни, отмечают его задорную склонность к противоречию и протесту. Григорович⁹ в своих «Литературных воспоминаниях» рисует его следующим образом: «Какое бы мнение ни высказывалось и чем авторитетнее казался ему собеседник, тем настойчивее подзадоривало его высказать противоположное и начать резаться на словах. Глядя, как он прислушивался, как всматривался в собеседника из глубины серых, глубоко запрятанных глаз и как иронически сжимались его губы, он как бы заранее обдумывал не прямой ответ, но такое мнение, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собеседника. Таким представлялся мне Толстой в молодости. В спорах он доходил иногда до крайностей» *.

Без сомнения, на этой почве у него возникало немало мучительных столкновений. Такова, напр<имер>, была ссора его с Тургеневым, воспоминание о которой мучило его в течение восемнадцати лет, пока наконец, во втором периоде своей жизни, он не устранил всякую тень вражды, написав Тургеневу письмо в духе христианского смирения.

* Григорович. Т. XII. С. 327.

Свободное развертывание своей индивидуальности по всевозможным направлениям — таково содержание жизни Толстого. Без свободы он не может представить себе жизни, всякое малейшее насилие есть уродование души, нарушение ее гармонии*.

Но как осуществить такую полную свободу, которой требует душа Толстого? Не безумие ли требовать свободы, будучи такою ничтожною дробью мира, как человек? Какой-нибудь пустяк, напр<имер> речь моего соседа, обращенная даже не ко мне, есть уже насилие надо мною: она вторгается помимо моей воли в мое сознание, отрывает меня от спокойного течения мыслей, раздражает меня, и я не в силах, а главное, не вправе помешать ей. Живя в таком мире, человек, настолько чуткий к свободе, как Толстой, не обречен ли на непрерывные и безвыходные страдания? Да, без сомнения, Толстой немало страдал, но выход из страданий он нашел и, усмотрев его, с страстною решительностью пошел по новому пути. Этот путь — *любовь*. Если я не люблю человека, то звуки его голоса, как отвратительный треск, врываются в мое сознание назойливее грохота ломовой телеги, нагруженной железом; но если я его люблю, то слова, даже и раздавленные неожиданно, среди моих занятий, как музыка, охотно подхватываются мною, и насилия надо мною нет.

Расширение любви есть спасение личности от гибели, указание этого пути есть сущность христианства, которое говорит: «Живи сообразно твоей природе (подразумевая божественную природу), не подчиняя ее ничему — ни своей, ни чужой животной природе, — и ты достигнешь того самого, к чему ты стремишься, подчиняя внешним законам свою внешнюю природу»**. Любовь есть надежный путь жизни, на котором не встречается «ни борьбы с другими существами, ни прекращения блага, ни пресыщения им»***. Идущий по этому пути «перенес свою жизнь в ту область, в которой она свободна»****, и достиг жизни «блаженной и бесконечной», свободной от страха смерти, так как человек, живущий разумно, не дорожит пространственно-временною личною жизнью, а пребывает в той области своего бытия, о которой можно сказать: «Я есмь — никогда нигде не начинаюсь, никогда нигде и не кончаюсь»*****.

* Собр. соч. Т. IV. С. 201.

** Толстой. Царство Божие внутри вас. 1894. Т. I. С. 153, 154.

*** Собр. соч. Т. XI: Из книги «О жизни». С. 417.

**** Собр. соч. Т. XI: К вопросу о свободе воли. С. 530.

***** Там же. Из книги «О жизни». С. 432.

И действительно, во втором периоде своей жизни Толстой примирился с фактом смерти, часто заявлял о спокойном и радостном ожидании ее, сознавая в себе в то же время нарастание радости жизни и чувства «благодарности за благо жизни» *.

Нужна исключительная одаренность, чтобы так решительно вступить на путь проповеди любви и осуществления ее, как это сделал Толстой после своей «Исповеди». В сочинениях и письмах первого периода он часто говорит о счастье любви и сознании в себе умения любить. Но все же в этом отношении есть разница между первым и вторым периодом его жизни. В первом периоде он смотрит на любовь только как на *средство* для достижения свободы или счастья, средство, за которое он хватается, когда чувствует себя несчастным, и иногда даже сомневается в нем, находя, что проповедь любви есть рассуждение, которым утешают себя несчастные. Наоборот, во втором периоде он сознает любовь как *сущность души* и интересно обосновывает эту мысль путем исследования понятия «характера» как совокупности *стремлений*, т. е. как совокупности проявлений *любви к одному, а не к другому* **. Как сущность души, любовь не есть средство для достижения какой-либо, вне ее лежащей, цели, она ни на что не рассчитывает, она есть цель сама по себе ***, но следствием ее являются и те блага, которые Толстой считал высшими в первый период своей жизни: полная свобода и полная удовлетворенность.

Что нового в этой проповеди любви? Ведь она стара, как мир, и после Христа к ней никто ничего не прибавил. Толстой знал об этой иллюзии, будто нравственные истины давно уже известны. «Сообщите, — говорит он, — человеку самую высокую нравственную истину, выраженную самым ясным, сжатым образом, так, как она никогда не выражалась, — всякий обыкновенный человек, особенно такой, который не интересуется нравственными вопросами, или тем более такой, которому эта нравственная истина, высказываемая вами, не по шерсти, непременно скажет: “Да кто ж этого не знает? Это давно известно и сказано”. Ему действительно кажется, что это давно и именно так сказано. Только те, для которых важны и дороги нравственные истины, знают, как важно, драгоценно и каким длинным трудом достигается уяснение, упрощение нравственной истины — переход ее из туманного, неопределенно сознаваемого предположения, желания,

* Письма Л. Н. Толстого. Собр. П. Сергеенко. № 273.

** Собр. соч. Т. XI: Из книги «О жизни». С. 438.

*** Толстой. Царство Божие внутри вас. 1894. I. С. 154.

из неопределенных, несвязных выражений в твердое и определенное выражение, неизбежно требующее соответствующих ему поступков» *.

Толстой прав. Проповедь любви присуща, правда, всем высшим формам религии. Но общего провозглашения этого принципа недостаточно; нужна упорная работа множества гениев нравственности, чтобы открыть все следствия, вытекающие из него, найти пути для осуществления их, отразить все софистические выводы лживого ума, усыпляющего совесть, и разоблачить все приемы одурманения совести.

На этом поприще Толстой немало потрудился и многого достиг. Правда, в его сочинениях есть десятки страниц, заполненных именно тем, что он сам считает лишь первую стадией выражения нравственной истины, «туманными, неопределенно сознаваемыми предположениями, желаниями», на этих страницах можно найти немало противоречий (напр<имер> тогда, когда он определяет цель жизни как любовное служение страдающим, а страдание считает результатом преступления человеком закона своей жизни **, так что оказывается, что цель жизни может быть достигнута человеком только в том случае, если другие люди не будут осуществлять цели своей жизни), но рядом с этим у него повсюду рассеяны сверкающие перлы этического сознания. Упомянем здесь только об особенных заслугах Толстого в освещении *социально-психологической* стороны нравственной жизни. Свою способность проникать в психическую жизнь человеческих масс он блестяще обнаружил в художественных произведениях, особенно в «Войне и мире». Некоторые из его художественных описаний того, как механизм государственной власти отражается в душе индивидуума, напр<имер> изображение расстрела французами пленных русских в Москве, имеет громадное значение для моралиста. В своих этических сочинениях он дает весьма интересные указания на усыпляющее совесть влияние городской жизни, на обособление людей друг от друга, вызываемое разделением труда и т. п.

Сосредоточением внимания на нравственной стороне общественной и государственной жизни определено понимание христианства, данное Толстым. Исторические формы враждующих между собою «видимых» христианских Церквей оттолкнули его от себя, в особенности своим отношением к инославным и защитой различных видов насилия, производимого государством. Изоб-

* Толстой. Так что же нам делать? Гл. XII. С. 95.

** Собр. соч. Т. XI. С. 470, 472.

личение этих недостатков Церкви выполнено Толстым с огромною силою, но, пожалуй, главная его заслуга здесь заключается в одном открытии, изображающем проповедь Христа в необычном свете и требующем, конечно, проверки со стороны специалистов. Обыкновенно говорят, что учение Христа относится к сфере личной нравственности и не касается вопроса о строе государственной жизни. Толстой держится иного мнения. Сущность христианства, говорит он, состоит в проповеди любви и выражается в пяти заповедях, имеющих целью устранить поводы раздора между людьми. Эти заповеди таковы: 1) не сердись, 2) не блуди (т. е. если ты вступил в плотский союз, не нарушай его для вступления в союз с другим лицом), 3) не клянись, 4) не противься злу злом (откуда в качестве следствия получается предписание: не судите, чтоб не судиться и не присуживайте никого) *, 5) не воюй **. Из этих пяти заповедей большая часть, именно три последние, согласно толкованию Толстого, прямо имеют в виду государственную жизнь и исполнение их ведет к упразднению государства как строя жизни, основанного на насилии.

Однако воздержание от всяких видов насилия еще не решает вопроса о правильном поведении. Кроме знания о том, чего не надо делать или что нужно делать в экстренных случаях, необходимо еще более важное знание — что делать ежедневно, ежеминутно. На этот вопрос у Толстого есть чрезвычайно простой и ясный ответ, содержащий в себе бесспорную истину: каждый человек должен выполнять все основные виды деятельности, необходимые для создания благ, в которых нуждается человечество: «Деятельность человека, которая влечет его к себе, разделяется на 4 рода: 1) деятельность мускульной силы, работа рук, ног, плеч, спины, тяжелый труд, от которого вспотеешь; 2) деятельность пальцев и кисти рук, деятельность ловкости, мастерства; 3) деятельность ума и воображения; 4) деятельность общения с другими людьми. И те блага, которыми пользуется человек, тоже можно разделить на четыре рода. Всякий человек пользуется, во-первых, произведениями тяжелого труда: хлебом, скотиной, постройкой, колодцами, прудами и т. п., во-вторых, деятельностью ремесленного труда: одеждою, сапогами, утварью и т. п., в-третьих, произведениями умственной деятельности: наук, искусств, и, в-четвертых, установлением общения между людьми».

* Лк. VI, 37. Перев. Л. Н. Толстого в соч. «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий».

** Доводы в пользу такого понимания текста Мр. V, 43–45 и Лк. VI, 32–35 см. там же, а также в соч. «В чем моя вера».

ми: знакомствами и т. п. И мне представилось, что лучше всего было бы так чередовать занятия дня, чтобы упражнять все четыре способности человека и возвращать все четыре рода произведений, которыми пользуешься так, чтобы четыре упряжки были посвящены: первая — тяжелому труду, другая — умственному, третья — ремесленному и четвертая — общению с людьми. Хорошо, если можно устроить так свою работу, но если нельзя, одно важно, чтобы было сознание обязанности на труд, обязанности употреблять на дело каждую упряжку» *.

Толстой указывает многочисленные благотворные следствия такой организации труда. Главнейшие из них — восстановление полноты индивидуальной жизни, нарушенной неправильным разделением труда, восстановление физического и умственного здоровья, устранение обособления между людьми, вызванного крайним различием в занятиях, успокоение совести, мучимой сознанием несправедливого неравенства в распределении благ и труда и, наконец, устранение опасностей революции. В обществе людей, проводящих свою жизнь в таком труде, *на основании христианского сознания*, по мнению Толстого, не может быть мотивов для сложения государственного строя, так как в нем одни не стремятся господствовать над другими, а государство, по мнению Толстого, есть не более как организованная эксплуатация одних людей другими с помощью гипноза, подкупа, устрашения и насилия. *Совершенная христианская любовь* неизбежно сопутствуется *совершенной свободой*, при которой государству с его насилиями (присягою, судом, казнями, войнами) нет места!

По мнению Толстого, русский народ более всего склонен к такому строю жизни: в нем, «особенно со времени Петра I¹⁰, никогда не прекращался протест христианства против государства»; среди русского народа «устройство жизни таково, что люди общинами уходят в Турцию, в Китай, в необитаемые земли и не только не нуждаются в правительстве, но смотрят на него всегда, как на ненужную тяжесть, и только переносят его, как бедствие» **.

Без сомнения, Толстой впал в крайность, типичную для русского человека, усматривая в государстве только зло и полагая, что совершенная общественная жизнь требует полного упразднения государства. Однако идеал, резко выдвинутый им, — создание такого общежития, при котором социальное целое не подавляло бы и не обедняло бы (путем неправильного разделения

* Толстой. Так что же нам делать? Гл. XXXVIII.

** Толстой. Царство Божие внутри вас. 1894. II. С. 31.

труда) индивидуальности человека, а также не насиловало бы совести, настоятельно требует осуществления. По мере развития человеческой личности раскол между требованиями совести и складом государственной и общественной жизни становится все более глубоким, положение делается невыносимым и опасным. Недаром весь мир прислушивался с таким вниманием к голосу Толстого как к голосу внутренней совести всего человечества. При встрече с Толстым всякое честное правительство, искренне стремящееся к добру, должно, несмотря на все обидные замечания, вырывающиеся у Толстого, почтительно встать и не препятствовать, а содействовать распространению его сочинений. К тому же борьба с Толстым бессильна, так как добро неискоренимо. «Церковь, составленная из людей не обещаниями, не помазанием, а делами истины и блага, соединенными воедино, — эта церковь всегда жила и будет жить». «Мало, много ли теперь таких людей, но это та церковь, которую ничто не может одолеть, и та, к которой присоединяются все люди».

«Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. XII, 32).

